

Термин «злоупотребление правом» известен каждому юристу. Однако мое мнение что понимается под ним на практике, знают далеко не все. А между тем, если суд установит, что лицо злоупотребило правом, он может отказать ему в защите полностью или частично, а также применить другие не менее жесткие меры. Разберемся, в каких конкретных случаях можно заявить о том, что контрагент или сторона в процессе злоупотребляет правом, и какие негативные последствия могут ждать их, если факт злоупотребления будет подтвержден.

Споры о злоупотреблении правом в судах не редкость. Такой способ защиты призван снизить недобросовестность сторон при исполнении сделок. В эссе я хочу рассказать о том, что скрывается за понятием «злоупотребление правом», каким образом может быть использован этот правовой институт для более эффективной защиты бизнеса. Пока не доказано обратное, предполагается, что участники оборота, осуществляя свои права и исполняя обязанности, действуют разумно и добросовестно (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Из этого положения следует вывод, что неразумное и недобросовестное поведение равнозначно злоупотреблению правом. В теории злоупотребление правом – это использование принадлежащих лицу прав недозволенными способами либо с недозволенной целью, в результате чего наносится ущерб другим лицам. Таким образом, при злоупотреблении правом происходит нарушение границ его действия.

В самом общем виде злоупотребление гражданским правом является умышленным правонарушением, сопряженным с выходом лица за внутренние пределы имеющегося в его распоряжении того или иного гражданского права (правомочия).

В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использовать гражданские права в целях ограничения конкуренции, а также злоупотреблять доминирующим положением на рынке.

В случае несоблюдения указанных требований суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления

отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные предусмотренные законом меры.

В случае если злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, указанные последствия применяются, поскольку иные последствия таких действий не установлены настоящим Кодексом.

Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков. Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Древнеримские юристы отделяли простое нарушение закона от имитации его соблюдения, т.е. случаи, когда недобросовестные лица, зная о запрете на совершение какого-либо действия (сделки), тем не менее находят такие правовые способы (формы) достижения своих целей, которые лишь выглядят легитимно, но в действительности по совокупности ряда признаков, выдающих реальную цель, могут быть квалифицированы как направленные в обход действующего запрета (правила).

На первый взгляд термин «обход закона» не кажется новым, и в современном праве он часто встречается в лексиконе коллизионистов. В международном частном праве суть обхода закона заключается в следующем: субъекты отношений заранее готовятся к тому, что суду или иному правоприменителю придется использовать коллизионную норму для регулирования их отношений, и с этой целью ими создается удобная «оговорка-привязка». Использование подобных оговорок планируется с целью оказать определенное материально-правовое воздействие на отношения сторон, другими словами, это фактические действия сторон по созданию «искусственного» иностранного элемента.

В западноевропейском современном праве действует презумпция о том, что адресат права должен достаточно четко распознавать в самом законе свои обеспеченные европейским законодательством права, к которым также относится закрепленная в европейских директивах защита от обхода закона.

Запрет на обход закона в российском гражданском праве впервые появился в ст. 30 ГК РСФСР 1922 г.: «Недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону, или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства». При этом ст. 30 ГК РСФСР часто применялась со ссылкой на ст. 1 и 4

ГК РСФСР, ставившие в основу гражданской правоспособности «социально-хозяйственное назначение» и «цель развития производительных сил страны». Под этим лозунгом, например, в жилищной сфере изымались излишки жилой площади, используемой под склад или сдававшейся внаем, т.е. не в соответствии «с общественно-хозяйственным назначением». Таким образом, хотя по своей юридической конструкции норма ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. охватывала некоторые случаи обхода закона, на практике же она использовалась как жесткий инструмент классовой борьбы, не имеющий никакого отношения к проблеме обхода закона.

В 1964 г. был принят новый ГК РСФСР, в котором уже отсутствовала классификация противозаконных сделок, среди которых выделялись сделки в обход закона. В действующей до 1 марта

2013 г. редакции ГК РФ 1994 г. термин «обход закона» не встречается, но в практическом плане указанный случай фрагментарно предусмотрен ст. 170 ГК РФ и квалифицируется как притворная сделка. Тем не менее обходные схемы все чаще становятся одной из причин использования права во вред другим участникам оборота и при этом не распознаются с точки зрения ст. 170 ГК РФ. Так, ст. 93 ГК РФ не позволяет участникам общества с ограниченной ответственностью продавать свои доли, предварительно не предложив ее купить остальным участникам общества. «Поскольку нельзя продавать, — рассуждает отечественный юрист, — можно дарить». И под видом дарения эти доли все равно отчуждаются в обход установленного правила. Здравая норма ГК, рассчитанная на защиту общества (предприятия) в целом, практически блокирована возможностью ее обхода.

Итак, в современном гражданском праве «обход закона с противоправной целью» — это собирательное понятие, термин, который включает в себя обход преимущественного права, обход правил, обход нормы, обход порядка, обход установленных требований, обход прав акционеров, обход очереди кредиторов, обход процедуры, обход ограничений, обход положений и т.д.

Тем не менее из скурых юридических источников по вопросу обхода закона я хочу выделить следующие теоретические позиции по этому феномену.

- 1. Действия в обход закона - это всегда вид притворных сделок. Так полагал, например, Д.И. Мейер, который определял это деяние как уклонение от нормального порядка.
- 2. Обход закона — это самостоятельное правонарушение, но чаще всего совершаемое через притворные сделки.

- 3. Обход закона - это отдельная категория действий, не связанных с притворными сделками. Данную позицию занимал И.Б. Новицкий, который на основе анализа ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. полагал, что «сделка в обход закона также по своему содержанию законна, причем стороны именно эту сделку и хотят совершить. Однако эта, сама по себе законная, сделка должна, по мысли сторон, привести к незаконному результату. Стороны не совершают какой-то другой сделки («прикрытия»), а само содержание сделки определяют так, чтобы обойти препятствия, которые они встречают в законе, и все-таки прийти к своей цели, хотя и не прямым путем»
- 4. Обход закона — это самостоятельные правонарушения, происходящие при помощи не только притворных, но и фидуциарных сделок (т.е. с использованием подставных лиц или мнимых (фиктивных) сделок).
- 5. Обход закона — это самостоятельные правонарушения в форме противозаконных сделок, где притворные сделки образуют одну из их разновидностей.
- 6. Обход закона — это полностью самостоятельная категория незаконных сделок, однако не связанная с традиционным институтом недействительности сделок.
- 7. Обход закона — это поведение в нарушение принципа добросовестности, т.е. разновидность злоупотребления правом.
- 8. Обход закона — правомерное действие, связанное с допустимым (в смысле нерегулируемым) усмотрением субъектов права. Поскольку частное право предоставляет инструменты для частных подходов, рассуждают сторонники этого подхода, то частная автономия означает, что отдельный индивид в принципе по своему усмотрению может использовать инструменты частного подхода, чтобы с их помощью достичь своих целей. При этом «окружение» закона, обход его как обход препятствия без использования обмана, есть правомерное действие, за которым надо признавать юридическое значение, обход в данном случае — следствие ошибки, недоработки законодателя, т.е. проблема законодателя[9].
- 9. Обход закона — частный случай правоприменительной позиции, т.е. аргументационный подход при толковании правовых норм.

Злоупотребление правом — это всегда действие, выраженное в форме того или иного целенаправленного юридического (формального) акта. В ином случае шикану, например, нельзя было бы отличить от обычного деликта, т.е. от причинения вреда (пусть и с явным намерением). Суть злоупотребления правом в форме обхода закона также образует то или иное правоосуществление в форме

того или иного юридического акта (чаще всего сделки).

Нарушение установленного запрета на злоупотребление правом производится управомоченным лицом осознанно, при наличии четкой цели и избранных для ее достижения средств. Отсюда противоправная направленность воли в отличие от ее дефектности при недействительности сделок делает обход закона деянием, не просто не соответствующим требованиям закона, не просто неправомерным, но всегда противозаконным. Поскольку злоупотребление правом характеризуется как нарушение правового запрета и как поведение, в основе которого лежит злоупотребительный юридический (формальный) акт, следовательно, и обход закона относится к области неправомерных действий, направленных на достижение запрещенного результата, т.е. представляет собой гражданское правонарушение.

Признак противоправности при обходе закона, несмотря на некоторые особенности этого системного запрета, является одним из общих обязательных квалифицирующих критериев состава злоупотребительного поведения. Суд при квалификации действий в качестве обхода закона обязан установить, в чем конкретно выразились недобросовестные действия субъекта, какая норма права была обойдена, при каких внешних обстоятельствах и чем это конкретно подтверждается.

Поскольку обход закона всегда осуществляется лицемерно, недобросовестно, к тому же с использованием средств права и подобный алгоритм действий может совершаться только с прямым умыслом, вина через призму разумности и добросовестности становится не просто формальным условием гражданско-правовой ответственности, как в обычных правонарушениях, а необходимым признаком для квалификации действий в качестве обходных и на основе этого последующего отказа в защите права.

При обходе закона отказ в защите права проявляется системной охранной мерой (санкцией), т.е. своеобразной защитой от злоупотреблений субъектов с помощью средств самого гражданского права. При этом изменениями в ГК РФ предусмотрено применение специальных санкций за совершение исследуемого правонарушения (например, восстановление корпоративного контроля).

Исходя из внутренней логики любой правовой нормы, нарушение специального запрета на недобросовестное правоосуществление влечет определенные гражданско-правовые последствия. Не является исключением в этом плане и ст. 10

ГК РФ, п. 2 которой в качестве такого последствия предусматривает возможность для суда «отказать лицу в защите принадлежащего ему права». Эта неординарная санкция не указывает напрямую на способы защиты гражданских прав, перечисленные в ст. 12 ГК РФ, однако может быть классифицирована и субъективно отнесена, например, к признанию отсутствия права.

С равным успехом анализируемая санкция ст. 10 ГК РФ может быть отнесена к пресечению действий, нарушающих право, либо к прекращению правоотношения. Было бы логично вообще не включать исследуемую санкцию ни в один из перечисленных в ст. 12 ГК РФ способов и оставить, поскольку перечень незакрытый, в «иных» способах защиты права. При этом отказ в защите права следует отличать от лишения охраны права, что может проявляться, например, при заявлении о пропуске срока исковой давности по защищаемому праву.

Таким образом, отказ в защите права следует рассматривать как относительно определенную санкцию, содержанием которой является отказ суда в удовлетворении требования лица, злоупотребляющего правом, о защите данного субъективного права.

В связи с таким пониманием отказа в защите права возникает другой вопрос: возможно ли применение данной санкции в случаях, когда в суд обращается лицо, против которого направлено злоупотребление правом, или ее применение ограничено только случаями обращения в суд с исковым требованием самого субъекта злоупотребления? Из приведенной выше позиции Пашина следует, что отказ в защите права может рассматриваться только как отказ в удовлетворении исковых требований управомоченного лица. По пути буквального толкования нормы п. 2 ст. 10 ГК РФ зачастую идет и судебная практика, признавая возможным применять отказ в защите права лишь в случаях, когда сам злоупотребляющий правом субъект обращается с иском в суд. Однако такой подход необоснованно ограничивает возможности лица, против которого направлено злоупотребление правом, по защите своих прав и интересов. В этом случае потерпевшему необходимо будет дожидаться того момента, когда в суд обратится само управомоченное лицо, т.е. фактически защита прав и интересов потерпевшего лица будет зависеть от усмотрения лица, злоупотребляющего правом. Такое положение нельзя признать допустимым.

Сама по себе процессуальная роль субъекта в суде не влияет на состояние его управомоченности в материально-правовом смысле. Субъект может выступать в суде и в качестве ответчика, однако от этого он не перестает являться

управомоченным субъектом. Он также является обладателем прав и может требовать их защиты. Однако если требование истца о защите своего права реализуется посредством иска, то требование ответчика о защите своего права выступает в качестве эксцепции (exception), возражения на иск.

Таким образом, применить отказ в защите права можно как в случаях, когда злоупотребляющий субъект является истцом, так и в случаях, когда он является ответчиком. В обоих случаях с содержательной стороны отказ в защите права будет означать отказ в удовлетворении требования о защите права, однако значение этой санкции различно.

Отказ в защите права в виде отказа в удовлетворении искового требования может иметь двоякое значение. Во-первых, он может выполнять превентивную функцию и быть направлен на недопущение возникновения негативных последствий злоупотребления правом. Например, когда мать ребенка, совместно проживающая с его отцом, предъявляет к нему иск об уплате алиментов в целях снижения размера алиментов, выплачиваемых на детей от другой матери, злоупотребление правом еще не нарушает права другого получателя алиментов. Они будут нарушены в случае удовлетворения данного иска, поэтому в целях недопущения возникновения данных последствий суд может отказать в удовлетворении искового требования. Во-вторых, отказ в защите права выполняет пресекательную функцию — прекращение злоупотребительных действий. В таком качестве отказ в защите права применяется, например, когда недобросовестному акционеру отказывают в удовлетворении очередного требования о предоставлении информации об акционерном обществе, недобросовестному покупателю отказывают в удовлетворении требования о возврате товара надлежащего качества. Заявлению соответствующих требований в суд могут предшествовать действия лиц, против которых направлено злоупотребление правом, по защите своих прав и интересов и недопущению их нарушения (например, отказ продавца добровольно удовлетворить требования недобросовестного потребителя). Отказывая истцу в иске, суд тем самым признает правомерность действий ответчика по защите своего права.

Иное значение отказ в защите права приобретает, когда требование управомоченного лица о защите своего права реализуется посредством возражения на иск. В этом случае отказ в защите права не может являться самостоятельной санкцией за злоупотребление правом. Изначально злоупотребляющий правом субъект не обращается с требованием к суду. Соответствующее требование заявляет истец, который просит суд применить тот

или иной способ защиты гражданских прав, предусмотренный ст. 12 ГК РФ. Отказ же в защите права играет вспомогательную роль по отношению к той санкции, которая подлежит применению, исходя из требований истца. Однако от этого важность отказа в защите права не уменьшается. Необходимо осознать, что применению способов защиты, на которых настаивает истец, может препятствовать правомерность поведения ответчика. В этом случае отказ в защите права выступает средством, которое позволяет применить необходимые санкции, несмотря на такую формальную правомерность. Образно говоря, правомерность можно сравнить с закрытой дверью, которая препятствует войти в здание, а отказ в защите — с ключом, который эту дверь отпирает.

Санкция за злоупотребление правом не входит в нормы ни деликтной, ни кондикционной ответственности, ни ответственности по обязательствам. Она своеобразна, что обусловило возникновение ряда вопросов непосредственно к юридической конструкции санкции ст. 10 ГК РФ как возможности суда ее применить.

Гражданско-правовые санкции и меры защиты вместе с гражданско-правовой ответственностью следует соотнести как целое и его часть. Меры защиты, как меры ответственности, всегда являются санкциями, но санкции не всегда могут быть отнесены к гражданско-правовым мерам защиты, поскольку к ним кроме всего прочего относятся такие охранительные гражданско-правовые меры, как меры оперативного реагирования, или такие восстановительные меры, как формы распределения убытков, либо такие последствия, которые предусмотрены в качестве специальных санкций по недействительным сделкам, и т.д. В юридико-техническом плане санкции иногда вообще выносятся за пределы статьи, а иногда даже за пределы того закона, в котором устанавливаются соответствующие диспозиции. (Большинство статей Гражданского кодекса РФ не содержит указаний на последствия нарушения содержащихся в них правил. Однако санкции этих норм могут быть легко обнаружены в тех статьях Кодекса, в которых закреплены основные виды гражданско-правовой ответственности.)

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что гражданско-правовые санкции включают в себя меры защиты, оперативные меры и меры гражданско-правовой ответственности. На наш взгляд, неоспоримо, что санкция ст. 10 ГК РФ является своеобразной правоохранительной мерой от недобросовестных действий субъекта, связанных со злоупотреблением правом. Остается спорным вопрос, является ли она мерой (способом) защиты, мерой ответственности либо оперативной мерой реагирования.

Согласно сложившимся в науке и законодательстве воззрениям под защитой гражданских прав понимают предусмотренные законом юридические средства, которые используются субъектами в случае нарушения или угрозы нарушения их гражданских прав. При этом защита гражданских прав является одной из мер охраны гражданских прав, поскольку последняя охватывает совокупность всех мер, обеспечивающих нормальный ход реализации права. Следовательно, меры защиты по определению не могут включать отказ в защите, предусмотренный ст. 10 ГК РФ, поскольку они являются одноуровневыми категориями и работают по правилу: либо защита гражданских прав, либо отказ в их защите.

Отказ в защите права в совокупности с указанием на субъект, который реализует эту санкцию, — суд - свидетельствует о том, что управомоченное лицо находится в состоянии защиты. Причем речь не может идти о самозащите или каком-то виде оперативного реагирования, поскольку по факту это есть реализация обычно «дремлющего» элемента любого субъективного гражданского права - права на защиту. В гражданском праве субъективные права, следуя принципу равенства и состязательности, защищаются в арбитражно-процессуальном либо гражданско-процессуальном производстве (международные и третейские суды для удобства во внимание принимать не будем). Поскольку в суд за защитой нарушенного права обращается активная сторона — истец, то на первый взгляд речь в санкции ст. 10 ГК РФ идет о защите прав, принадлежащих в судебном процессе истцу, т.е. требующей стороне. Однако это кажется упрощением анализируемой нормы ст. 10 ГК РФ.

В большинстве случаев ответчик в судебном разбирательстве против требований истца всегда приводит те или иные возражения (признание иска не в счет). И в этих возражениях ответчик обосновывает

а) невозможность исполнения требований истца со ссылкой на ту или иную правовую норму, добиваясь поражения его права;

б) свою позицию со ссылкой на нормы объективного права, которые стали источником возникновения его (ответчика) субъективных прав.

Суд, в свою очередь оценивая доводы и доказательства сторон, взвешивает применительно к обстоятельствам дела гражданские права и юридические обязанности как истца, так и ответчика. Отдавая приоритет действию гражданских прав у одной из сторон, суд тем самым отвергает, т.е. не признает их за другой стороной. Даже когда суд не становится на позицию одной из сторон, а имеет

собственный взгляд и юридическое обоснование имеющихся правоотношений, в конечном счете он решает спор по существу, удовлетворяя либо отвергая иск. Делая такой выбор, суд неизбежно чьи-то права защищает, а чьим-то правам отказывает в защите.

Отсюда мы приходим к следующим логическим заключениям относительно санкции ст. 10 ГК РФ:

- отказ в защите — это материально-процессуальный акт (решение) суда как органа государственной власти. По своей сути это юридическое системное средство лица на охрану своего того или иного субъективного гражданского права от посягательств на него с помощью формализма норм самого гражданского права;
- управомоченным лицом в смысле ст. 10 ГК, которому суд отказывает в защите его прав на стадии судебного разбирательства, может быть равно как истец, так и ответчик;

О отказ в защите права означает отрицание, непризнание судом того субъективного гражданского права (а равно обязанности), на которое в своих доводах опирается управомоченное лицо (истец либо ответчик).

Право на защиту, как известно, является важным элементом любого субъективного гражданского права. При нестандартном, ненормальном, нежелательном развитии правоотношений по воле одной из сторон в действие вступает охранное правомочие — «право на иск», выраженное в конкретных способах защиты (ст. 12 ГК РФ). В материальном иске, а конкретно в обосновании требований истца, всегда задействованы те или иные правовые средства, в основном перечисленные в ст. 12 ГК РФ. Отсюда следующие выводы:

О поскольку предмет искового заявления будет одно (или несколько) из требований, перечисленных в качестве способов защиты в ст. 12 ГК РФ, объектом отказа в защите в смысле ст. 10 ГК РФ может быть любое материальное требование, сформулированное в ст. 12 ГК РФ, или даже иное не предусмотренное ст. 12 ГК РФ, поскольку приведенный в ней перечень способов защиты не закрыт; поскольку это же материальное требование, поименованное (либо «иное» непоименованное) в ст. 12 ГК РФ, будет отрицаться ответчиком, удовлетворение судом иска персонально для ответчика будет всегда означать отказ в защите его прав и наоборот — отказ в иске требующей стороне для ответчика всегда будет означать одновременно подтверждение легитимности его (ответчика)

субъективных прав и осуществление тем самым их защиты.

Другими словами, анализируемая санкция — отказ в защите права - не относится ни к одному из способов защиты, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, так же как она не относится и к иным способам защиты, не предусмотренным в перечне ст. 12 ГК РФ. Санкция ст. 10 ГК РФ уникальна и работает на «верхнем» этаже охранительных гражданско-правовых мер: там, откуда просматривается не только конкретное правовое отношение, но и ситуация, когда само конкретное правовое отношение, будучи вырванным из общего контекста гражданского права, становится средством для достижения лицом своей эгоистической, скрытой, незаконной цели. Именно с этой точки зрения открывается смысл и назначение отказа в защите права как специфичной гражданско-правовой санкции. В противном случае она как охранная мера затеряется в числе других стандартных способов защиты и потеряет свое функциональное значение. Таким образом, отказ в защите права является системной охранной мерой (санкцией) гражданского права, т.е. своеобразной защитой от злоупотреблений средствами самого гражданского права.

В общем плане под правонарушением понимают юридическое действие, недозволенное и причинившее вред лицу или нарушившее его законные права и интересы. Однако гражданско-правовая защита предоставляется не только «по факту», но и «по намерению», поскольку в гражданско-правовой доктрине под причинением вреда и нарушением прав понимается равно и реальная угроза свершения подобных действий. Последняя черта — намерение - более всего отвечает специфике «злоупотребительного» правонарушения, поскольку в большинстве случаев происходит не прямое нарушение гражданских прав, а угроза их нарушения с помощью норм права, а также «блокировка» прав, воспрепятствование их нормальному осуществлению под видом своего «законного» правопользования.

Соответственно указанной специфике гражданско-правовые последствия «злоупотребительных» действий это не возмещение причиненного вреда или взыскание неустойки, а лишь «поражение» права самого нарушителя — отказ в его защите. Все иные меры защиты применяются в основном из самого факта причинения вреда, например факта неосновательного обогащения (кондикция), нарушения исполнения обязательства и т.п.

Отказ в защите лишь сужает право субъекта злоупотребления до границы прав и законных интересов других равных ему правовых лиц. Санкция ст. 10 ГК РФ

призвана не только отсекаать «злоупотребительные» явления в гражданско-правовых отношениях, но и не создавать своим формализмом возможность для злоупотреблений. «Право на право» должно быть под двойным контролем.

Само по себе злоупотребление правом, а тем более «злоупотребительное» применение ст. 10 ГК РФ, — это всегда удел профессиональных юристов, имеющих определенные представления о категориях добросовестности и разумности в гражданском праве и о различных способах реализации прав. Намеренно «поражая» посредством ст. 10 ГК РФ чужое субъективное право, лицо рискует своим субъективизмом гораздо больше, нежели при обычном «злоупотребительном» использовании конкретных норм права, поскольку ему необходимо будет отыскать и обосновать для «нарушителя» скрытую цель «злого» использования той или иной нормы закона и указать, в чем конкретно проявились признаки «злоупотребительного» поведения. В обычных гражданских правонарушениях вина нарушителя презюмируется, т.е. не доказывается, в «злоупотребительном» акте намерение — один из ключевых квалифицирующих признаков правонарушения. Поэтому сделать саму ст. 10 ГК РФ вследствие ее «эластичности» средством злоупотребления все же гораздо сложнее, чем любую другую норму закона, потому что субъективные категории добросовестности и разумности в праве могут сыграть с лицом, злоупотребляющим ст. 10 ГК РФ, злую шутку: он рискует натолкнуться на крайний субъективизм и в отношении себя, поскольку эти «сверхправовые» категории, находящиеся над правовой надстройкой и нерегулируемые с этой точки зрения самим правом, являются все же вещью из ноуменального мира, т.е. «вещью в себе».

Итак, злоупотребление правом обычно относят к ст. 10 ГК РФ. Однако институт добросовестности, который является более общим пронизывает всё действующее право, в том числе и материальное и процессуальное. Смысл правового регулирования гражданских отношений сводится в том числе к тому, чтобы обеспечить возможность реализации субъектами правоотношений прав таким образом, чтобы сохранить стабильность гражданского оборота. Однако такая реализация прав должна быть добросовестной.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). В качестве санкции за такой деликт суд должен отказать лицу в защите его права. Это злоупотребление правом в материальном праве, но нередки ситуации

злоупотребления правами в арбитражном, гражданском и административном процессах.

Между правомерным поведением и злоупотреблением проходит тонкая грань. Причем универсального критерия, по которому можно определить злоупотребление правом, просто не существует.

Ясно только, что злоупотребление тесно связано с понятием недобросовестности. Поэтому в каждом конкретном случае, учитывая обстоятельства дела, суды самостоятельно определяют, переступила ли сторона дозволенные границы при осуществлении своего права. В суде факт злоупотребления правом доказать непросто. А строить свою позицию только на предположении о злоупотреблении – ненадежно. Для удовлетворительного результата разбирательства доказательства должны быть весомыми.

Таким образом, законодательство Российской Федерации предполагает необходимость добросовестного осуществления правами и в материальном, и в процессуальном праве.

При этом важно понимать, что злоупотребляющим правом является лицо, которое *de jure* обладает определенным правом и вправе его реализовать, однако реализация данного права имеет либо противоправную цель (обход закона), либо причинение вреда.

Если разобрать злоупотребление правом как гражданское правонарушение на состав, то субъективная сторона будет характеризоваться прямым умыслом.